

**ИСТОРИЯ**

**OSTKRAFT**

| научное обозрение | [www.ostkraft.ru](http://www.ostkraft.ru) |

| Модест Колеров | Москва | 2024 | № 20 |

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Володин.</i> Фигуры философии и её образ на страницах журнала «Вестник Европы» в 1802 г.: вводные замечания .....	3
<i>Екатерина Корнеева.</i> Краткая история элиты СССР .....	60
<i>М. В. Разина, И. С. Ратьковский.</i> Деятельность Всероссийского общества содействия жертвам интервенции по выявлению преступных действий к российским и советским гражданам на территориях Западных стран .....	87
<i>В. Н. Коробейников.</i> Н. А. Семашко и его старший брат Владимир (неизвестное в их биографиях) .....	95
<i>Стефан Машкевич.</i> Элита в оккупации (Киев, 1941–1943): «сладкая жизнь» или борьба за выживание? Интервью с Аглаей Горман, дочерью Константина Штеппы .....	122
<i>М. А. Колеров.</i> Что делать, если враг взял Москву? Сурский рубеж на защите «второго индустриального центра» СССР. Тезисы .....	170

## Н. А. СЕМАШКО И ЕГО СТАРШИЙ БРАТ ВЛАДИМИР (НЕИЗВЕСТНОЕ В ИХ БИОГРАФИЯХ)

О Николае Александровиче Семашко, первом наркоче здравоохранения РСФСР, известно широко. Но, несмотря на ряд опубликованных в последнее время работ о нём<sup>1</sup>, в его биографии остаются «белые пятна», требующие уточнения и дополнительного освещения. Одним из мало изученных периодов жизни Н. А. Семашко остаётся отрочество и юность, когда формировались его об-

---

<sup>1</sup> *Мирский М. Б.* Н. А. Семашко (к 120-летию со дня рождения) // Гигиена и санитария. 1995. № 4. С. 46–52; *Механик А.* Пирамида Семашко // Эксперт. 2011. № 30–31. <http://expert.ru/expert/2011/30/piramidasesmashko/>; *Васильев К. К.* «Модель Семашко». К воспоминаниям профессора Самуила Борисовича Дубровинского (1885–1975) об организаторе здравоохранения и социальном гигиенисте Н. А. Семашко и его соратниках — З. П. Соловьеве и А. Н. Сысине // Сумський Історико-архівний журнал. № XIV–XV. 2011. С. 43–52; *Решетников В. А., Несвижский Ю. В., Касимовская Н. А.* Н. А. Семашко — теоретик и организатор здравоохранения // История медицины. 2014, № 3 (3). С. 24–29; *Черниченко М. Ю.* Н. А. Семашко — первый нарком здравоохранения: новый век — новые исследовательские горизонты // История медицины. 2014. № 3 (3). С. 73–81; *Трефилова О. А.* Николай Александрович Семашко — общественный деятель и организатор детского здравоохранения // История медицины. 2014. № 3 (3). С. 65–72; *Решетников В. А., Несвижский Ю. В., Касимовская Н. А.* Вклад Н. А. Семашко в развитие медицинской профилактики в России (к 140-летию со дня рождения) // Сеченовский вестник. 2014; 3 : 29–33; *Арсентьев Е. В., Решетников В. А.* К биографии Н. А. Семашко // История медицины. 2017. Т. 4. № 4. С. 447–460; *Арсентьев Е. В., Решетников В. А.* К биографии Н. А. Семашко: деятельность первого наркома здравоохранения в 1920–1925 гг. // История медицины. 2018. Т. 5. № 3. С. 217–229.

щественно-политические взгляды. В этом вопросе, казалось бы, всё давно известно. Но обращение к архивным документам позволяет внести коррективы в устоявшиеся представления о идейном становлении будущего создателя советской системы здравоохранения. Впервые используемые документы говорят о том, что формирование взглядов Николая Семашко происходило под влиянием и во взаимодействии с его старшим братом Владимиром. О нём он лишь вскользь упоминал в своих воспоминаниях. По-видимому, по этой причине некоторые исследователи приписывали Николаю Семашко поступки, совершавшиеся его старшим братом<sup>2</sup>.

Родителями братьев были: Александр Северинович (1842–12.1888) и Мария Валентиновна Семашко (11.03.1850–1920)<sup>3</sup>. Она была сводной сестрой Георгия Валентиновича Плеханова (младшая дочь его отца — Валентина Петровича Плеханова от первого брака). Александр Северинович происходил из потомственных дворян Орловской губернии. В начале 1870-х гг. супруги Семашко переехали в Орловскую губернию, где жил брат Александра Севериновича — Константин<sup>4</sup> и сестра София, имевшая небольшое имение в деревне Ливенка Елецкого уезда<sup>5</sup>. У них родилось шестеро детей: Владимир (26.09.1871<sup>6</sup>–?), Николай (14.09.1874–18.05.1949), Александра (1877–?), София (1881–?), Зинаида (1885–?) и Константин (30.06.1887<sup>7</sup> — после 1938)<sup>8</sup>. Семашки жили в уездном городе Ельце, где их сыновья и дочери учились в гимназиях<sup>9</sup>. Александр Северинович умер в декабре 1888 г., как писала Мария Валентиновна, «от сыпного тифа в больнице на 9-й день болезни»<sup>10</sup>. Их дети ста-

<sup>2</sup> Орлов В. И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934. С. 273; Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М., 1976. С. 131.

<sup>3</sup> Коробейников В. Н. Предки и родственники Георгия Валентиновича Плеханова в XVIII–XX веках // Известия русского генеалогического общества. Выпуск 36. Санкт-Петербург, 2020. С. 76.

<sup>4</sup> Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2945. Л. 15–15 об.

<sup>5</sup> Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 5.

<sup>6</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Оп. 91. 3 дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 35.

<sup>7</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 34 162. Л. 289; Российская национальная библиотека (РНБ). Архив Дома Плеханова (АДП). Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 660. Л. 1.

<sup>8</sup> Коробейников В. Н. Предки и родственники Георгия Валентиновича Плеханова... С. 76, 87, 88, 90.

<sup>9</sup> РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 660. Л. 1; ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 247. Л. 77.

<sup>10</sup> РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 660. Л. 1.

ли образованными людьми. Сыновья окончили Московский университет, а дочери получили медицинское и педагогическое образование<sup>11</sup>. Софья и Зинаида в 1905 г. принимали участие в революционных событиях в Петербурге, участвуя во время баррикадных боёв в перевозке оружия<sup>12</sup>.

О ранних годах Владимира и Николая Семашко известно из по-смертно опубликованной рукописи воспоминаний Н. А. Семашко «Прожитое и пережитое», в которых он, в частности, рассказывал о своем детстве, проведенном вместе со старшим братом в имении тёти в деревне Ливенка. Уже тогда братья проявили «народолюбие», выражая сочувствие, доброту и сострадание к простому народу конкретной личной помощью беднейшим крестьянам. Как вспоминал Н. А. Семашко, пожилой крестьянской вдове, у которой после смерти мужа «осталась куча малолетних ребят», и которая «на пол десятины земли изнывала от непосильного труда», они с братом «потихоньку таскали хлеб, картофель, сахар, одежду для детей». Когда подросли, «барчуки» стали помогать ей, работая в поле<sup>13</sup>.

Народолюбие братьев Семашко стало оформляться в систему взглядов во время их учёбы в Елецкой гимназии, где среди молодежи существовал кружок, участники которого считали необходимым «служить народу» и стремились выучиться работе, полезной народу<sup>14</sup>. В кружок гимназистов-вольномыслителей входил также Михаил Пришвин<sup>15</sup> (23.01(04.02).1873–16.01.1954.)<sup>16</sup>, сблизившийся тогда с Николаем Семашко. У обоих родственники связаны были с революционным движением в России. Двоюродные братья и двоюродная сестра Пришвина в 1870-х — начале 1880-х гг. участвовали в революционном народническом движении<sup>17</sup>.

---

<sup>11</sup> РНБ. АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 661. Л. 2; Ед. хр. 660. Л. 1.

<sup>12</sup> Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М., 1971. С. 187–188.

<sup>13</sup> Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 7.

<sup>14</sup> Введенская М. М. Елецкие друзья // Воспоминания о Михаиле Пришвине : сборник. М., 1991. С. 23.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Большая советская энциклопедия (БСЭ). Третье издание. Т. 20. М., 1975. С. 604.

<sup>17</sup> Игнатова Е. Н. Братья В. Н. и И. Н. Игнатовы. (Воспоминания сестры) // Группа «Освобождение труда». (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча) / Под редакцией Л. Г. Дейча. Сборник № 1. М., 1924. С. 106; Деятели революционного движения в России (ДРДВР). Т. 2. Вып. 2. М., 1930. Стб. 506;

Владимир Семашко в классической гимназии города Ельца учился с 1871 г. по 1889 г. Окончив её с серебряной медалью, он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета<sup>18</sup>. Тогда, после периода кратковременного затишья, вызванного спадом активности революционно-народнического движения и принятием в 1884 г. нового университетского устава, среди студенчества вновь стало проявляться тяготение к корпоративным интересам: начинало расти число касс взаимопомощи и землячеств, объединявшихся в Союз<sup>19</sup>. Судя по воспоминаниям об этом времени, внешне обстановка в университете была спокойной, «никакой заметной напряженности не наблюдалось, а сами студенты в массе своей не слишком интересовались политическими вопросами и в целом довольно равнодушно относились к мероприятиям, организуемым Союзом землячеств»<sup>20</sup>. Как вспоминал старый социал-демократ М. Н. Лядов (Мандельштам), «часть студенчества увлекалась толстовщиной, самоусовершенствованием, вела нудные и скучные споры на разные метафизические темы»<sup>21</sup>. Этим увлечениям в начале 1890-х гг. отдал дань и В. А. Семашко<sup>22</sup>.

Общекорпоративные интересы и студенческая солидарность проявились в Московском университете в марте 1890 г., когда там начались, так называемые, волнения, в которых принял участие и первокурсник Владимир Семашко. Причиной их стали события в Петровской земледельческой академии, где студенты подали петицию директору с требованием отмены университетского устава 1884 г.<sup>23</sup>, который с 1 января 1890 г. вводился в Академии. Полиция 6 и 7 марта 1890 г. ответила арестом около 200 студентов, участвовавших

<sup>18</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 13.

<sup>19</sup> Резникова Е. Д. Московский Университет в контексте правительственной политики в области просвещения (1884–1905 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2017. С. 91.

<sup>20</sup> Там же. С. 112.

<sup>21</sup> Лядов М. Как зародилась Московская рабочая организация // На заре рабочего движения в Москве. Воспоминания участников Московского рабочего союза (1893–1895) и документы. / Составил и подготовил к печати С. И. Мицкевич. М., 1932. С. 48–47.

<sup>22</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 7.

<sup>23</sup> Устав, определявший организацию учёбы и университетской жизни, был утвержден указом императора Александра III 23 августа 1884 г. и отменял прежний либеральный устав 1863 г. // Общий устав и временные штаты Императорских российских университетов // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения — 1884 год. Царствование императора Александра III. СПб., 1893. Т. IX. С. 980.

в сходке, и заключением их в Бутырскую тюрьму<sup>24</sup>. 7 марта во дворе Московского университета собралось около 450 студентов, которые передали инспектору свои требования в поддержку петровцев. Вскоре в воротах сада показались конные жандармы, и толпа студентов человек 400 (остаальные разбежались) были взяты в плотное кольцо. Их вывели на улицу и направили к Манежу. Оттуда студентов группами увели в Бутырку<sup>25</sup>. 9 марта прошла новая сходка студентов, на которой выдвигалось требование выпустить арестованных 7 марта. «Полиция без всяких насилий препроводила этих буянов в экзерциргауз [манеж], а оттуда обычным порядком в пересыльный замок»<sup>26</sup>. Тоже повторилось 10 марта, причем наиболее настойчивым 68 студентам пришлось самим идти в Манеж, чтобы добиться ареста. Это была последняя сходка и с нею в тот год окончились волнения в Московском университете. Из пересыльной тюрьмы арестованные были выпущены 12-го марта. После этих событий вся радикальная часть студенчества была изъята из университета. 119 человек высланы из Москвы административным порядком<sup>27</sup>. Владимир Семашко участвовал в последней сходке 10 марта, о которой Московский обер-полицмейстер 11 марта докладывал в департамент полиции, называя и его среди задержанных<sup>28</sup>. Постановлением правления университета 42-м арестованным (в том числе и В. Семашко) предложено было в течение семи дней «явиться лично в канцелярию правления и подать письменное заявление о своем раскаянии»<sup>29</sup>. Надо полагать, Владимир, видя отсутствие результата от подачи петиций начальству, заявил о своем раскаянии. Тем не менее, он попал на заметку в Московском охранном отделении и в департаменте полиции. С этого времени и до октября 1905 г. Владимир Семашко оставался под гласным, а затем негласным надзором полиции.

После инцидента 1890 г. «филёры» неотступно следили за ним, передавая донесения в Петербург в департамент полиции, который сведения получал также из перлюстрации. Отслеживались письма Евгения Алексеевича Звягинцева, земляка и товарища В. Семаш-

---

<sup>24</sup> Орлов В. И. Указ. соч. С. 205–206.

<sup>25</sup> Там же. С. 207.

<sup>26</sup> Георгиевский А. И. Краткий исторический очерк правительственных предначертаний и постановлений против студенческих беспорядков. М.: Издание Балашова, 1906. С. 263.

<sup>27</sup> Орлов В. И. Указ. соч. С. 207–208.

<sup>28</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е делопроизводство (1893 г.). Д. 1016. Л. 1 об.

<sup>29</sup> Там же. Л. 2.

ко, также учившегося в Московском университете. В 1892 г. они оба жили в Москве в одной квартире (в Проточном переулке) и занимались «общественными делами» — входили в елецкое землячество. 15 октября Звягинцев писал своей невесте Александре Дмитриевне Ждановой слушательнице Санкт-Петербургских Высших женских курсов: «... Политических бесед в наших комнатах не раздается, вот какое теперь благонамеренное время! Этого не могло бы быть в 60-х и 70-х годах, когда было такое развитие политических инстинктов, что всякий занимался политическими вопросами. Изредка обмениваемся взглядами с Семашко — коротко, но живо». 16 ноября в письме невесте он сообщал, что накануне вместе с Семашко ходил в Воскресную мужскую школу и, как написано в донесении, далее следовали «рассуждения о вреде предоставления народной школы в руки духовенства»<sup>30</sup>. К концу 1892 г. из шести студентов, живших тогда в Проточном переулке, тесные отношения сложились у Звягинцева, Семашко и Попова. Все они намеревались принимать активное участие в общественной жизни университета. Квартира, найденная с помощью четвертого сожителя Ивана Кожухова, стала, по словам Звягинцева, «средоточием общности ельчан», которые «бросали науку» и становились «общественниками»<sup>31</sup>.

На Рождество 1892 г. В. Семашко уехал в Елец и в Ливенку, откуда 7 января 1893 г. возвратился в Москву. За всеми его передвижениями следили местные жандармы, предупрежденные из департамента полиции, что «некоторые елецкие уроженцы, обучающиеся в высших учебных заведениях в Москве и Санкт-Петербурге, намеревались на праздниках Рождества завести сношения с местными учителями и учительницами Елецкого уезда и устроить от имени «Елецкого землячества» несколько вечеринок для студентов, гимназистов, гимназисток и вообще интересных женщин». Ничего из этого в Ельце не произошло. Начальник Орловского ГЖУ полковник Я. Т. Дудкин 9 января 1893 г. сообщал в Петербург, что «никаких вечеров, спектаклей, или иных сборищ приезжей в Ельце учащейся молодежи не было», а в «поведении Семашко ничего в политическом отношении сомнительного не было замечено»<sup>32</sup>.

В это же время в Москве проходил съезд студенческих организаций. В нем участвовало 5 представителей: от московской (два),

<sup>30</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 2–2 об.

<sup>31</sup> Там же. Л. 3 об. — 4.

<sup>32</sup> Там же. Л. 3.

петербургской, харьковской и киевской организаций (по одному представителю). Программа работы съезда рассылалась по земляческим кружкам с конца октября 1892 г. Главными темами были: 1) «об отношении студенчества к явлениям общественного характера (надлежит ли отзываться на непосредственную жизнь и принимать в ней активное участие)», 2) отношение «к официальным академическим организациям и к инородческим элементам студенчества»<sup>33</sup>. В результате работы съезда первый вопрос «решался с точки зрения, что студенты и общество угнетаемы правительством, а университетские порядки составляют необходимую часть всей государственной системы, направленной на подавление свободы и самодеятельности среди российских обывателей»<sup>34</sup>. В одном из протоколов съезда, после характеристики состояния общества, в котором господствует настроение «тоски и апатии», делался вывод: «Потребность переустройства всей нашей общественной жизни на началах свободы и более справедливого распределения материальных и духовных благ между различными классами населения — вот, что должно, наконец, проснуться в нашем обществе, если только оно сохранило способность к жизни»<sup>35</sup>. И далее: «Пока мы наблюдаем лишь слабые проблески общественного самосознания. Но можно надеяться, что проблески эти, равно как и вообще некоторое оживление, наблюдаемое за последнее время в обществе и студенчестве, — не случайные и временные явления, что это первые признаки естественного возрождения того движения, которое имело место в 60-х и 70-х годах и которое имеет за собой и логическое и историческое право на существование»<sup>36</sup>. Историк студенческого движения писал: «Второй студенческий съезд отмечал лишь проблески этого пробуждения; через несколько лет общественные интересы занимают первое место в ходе университетских событий, отодвигая уже на задний план академические интересы»<sup>37</sup>. Заявление о единстве борьбы за академические интересы с освободительным движением в российском обществе, говорило о начавшемся

---

<sup>33</sup> *Меньщиков А.* Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. Часть I. Годы реакции. 1885–1898 гг. М., 1925. С. 171.

<sup>34</sup> *Орлов В. И.* Указ. соч. М., 1934. С. 232.

<sup>35</sup> Там же. С. 232.

<sup>36</sup> *Мельгунов С.* Студенческие организации 80–90 гг. в Московском университете (по архивным данным). М., 1908. С. 93.

<sup>37</sup> Там же С. 93–94.

процессе политического размежевания внутри землячеств и Союзов студентов.

По сведениям Московского обер-полицмейстера «24 января 1893 г. в квартире Е. А. Звягинцева происходило чтение только что тогда появившихся в обращении протоколов 2 Московского студенческого съезда»<sup>38</sup>. В марте 1893 г. члены елецкого землячества, в их числе и В. Семашко, уехали в Елец на пасхальные каникулы, где, по донесению жандармов, встречались с участниками гимназических кружков самообразования<sup>39</sup>. Деятельность В. Семашко, судя по наблюдениям жандармов, с этого времени приобретает определённую направленность. Начальник Орловского ГЖУ 1 мая информировал о нём департамент полиции: «Проживая с 25 марта по 3 апреля в деревне Ливенской в 30 верстах от Ельца в имении тётки своей, собирал у нее в доме по несколько человек крестьян, читал им какие-то рассказы про войну, солдат и прочем, объяснял прочитанное и вызывал слушателей на рассуждения. Семашко вообще стремился сблизиться с крестьянами и летом воить с ними снопы с поля»<sup>40</sup>.

В елецком землячестве выделилась тогда «деревенская группа», организатором которой, по сведениям полиции, был Е. А. Звягинцев<sup>41</sup>. На её заседании В. Семашко 8 апреля «прочел сообщение о своих чтениях мужикам на святках и Пасхе»<sup>42</sup>. Он был в числе тех ельчан, которые «бросали науку» и становились «общественниками». Занятия с крестьянами весной 1893 г. привели к тому, что из-за отставания в учёбе в конце апреля он не был допущен к экзаменам и оставлен на четвёртом курсе<sup>43</sup>. В это же время, для заработка, он отправился в Рязанскую губернию, где по приглашению земских управ Рязжского и Сапожковского уездов руководил «истреблением саранчи»<sup>44</sup>. 30 октября директор департамента полиции информировал Орловского губернатора: «... Семашко, проживая в Орловской губернии, занимался распространением среди крестьян дозволенных цензурою изданий «Комитета грамотности»

<sup>38</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 4.

<sup>39</sup> Там же. Л. 3–4.

<sup>40</sup> Там же. Л. 4–4 об.

<sup>41</sup> *Меньщиков* Л. Охрана и революция... Часть 2. Вып. 1. 1898–1903. М., 1928. С. 49.

<sup>42</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 4.

<sup>43</sup> Там же. Л. 21.

<sup>44</sup> Там же. Л. 4 об.

и «Посредник», и др. и стремился войти в сношения с крестьянами, устраивая для них беседы по истории и другим предметам. Принимая во внимание, что Семашко до сего времени не замечен в распространении революционных изданий и вредных идей, департамент не находит нужным лишать его заработка, который он получает, состоя на службе земства, но полагает полезным подчинить его наблюдению полиции, дабы предупредить возможность вредного с его стороны влияния на сельское население»<sup>45</sup>.

В Москве слежку за Семашко продолжала полицейская агентура, передававшая свои наблюдения в Петербург. 16 октября 1893 г. у ельчан было земляческое собрание, в котором участвовали: Звягинцев, Тихон Попов, Семашко, Некрасов, Протопопов и другие члены землячества. 20 октября Протопопова выбрали депутатом в Союзный совет на 1894 г. Тогда же «Попов и Семашко на занятые в землячестве 25 рублей купили книг для раздачи их крестьянам»<sup>46</sup>. В Московском Охранном отделении считали В. Семашко одним из «вожаков» Союза землячеств и вели за ним наблюдение<sup>47</sup>.

Делясь впечатлениями о своей деревенской работе, В. Семашко 23 ноября 1893 г. писал в Петербург своему другу Звягинцеву: «Вставал до света, приходилось часа в 2 утра приехать в деревню, разбудить старосту и послать его будить и собирать народ, и весь день на ногах». О том, как земские предписания, по его словам — «порождения культуры и гражданственности», принимались в деревне, он писал: «... если хочешь добиться чего-либо, должен заорать на старшину, обругать, пугнуть Земским Начальником..., и никто ведь на маковое зёрнышко не верит, что можно перевести саранчу. А ведь идут, а отчего? Орёт, значит начальство; значит всё делай, что требует»<sup>48</sup>.

На Рождество 1893 г. он приехал в Елец. С ним был его брат Николай, учившийся тогда в Московском университете. Их сразу взяли под наблюдение местные жандармы и полиция. Жандармский полковник Дудкин доносил в Петербург, что с первого дня приезда у них начались «сношения» с учащимися гимназий, которые «ранее были замечены по своей близости к лицам сомнительной благонадежности». Некоторых из гимназистов В. Семашко снабжал «какими-то привезенными из Москвы издания-

---

<sup>45</sup> Там же. Л. 16 об. — 17.

<sup>46</sup> Там же. Л. 8 об.

<sup>47</sup> *Меньщиков А.* Охрана и революция... Часть 1. С. 223–224.

<sup>48</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 21–21 об.

ми»<sup>49</sup>. По сведениям начальника Орловского ГЖУ братья вскоре «уехали в деревню Ливенскую», где Владимир собирал «до 10-ти и более крестьян», читал им книги «про войну 12 года и последнюю Русско-турецкую...». Судя по жандармским донесениям, деятельность Владимира Семашко среди крестьян не распространялась дальше просветительских бесед. После возвращения 4 января 1894 г. в Елец, братья продолжили встречаться со студентами и гимназистами<sup>50</sup>. На вечеринке у А. Коноплянцева Владимир «вел долгую беседу о Льве Толстом по поводу его статьи «Неделание»<sup>51</sup>, где призывалось отказаться от образа жизни, в которой торжествует взаимное насилие<sup>52</sup>. О том, что среди елецких гимназистов старших классов распространялись взгляды Льва Толстова вспоминал Н. А. Семашко<sup>53</sup>. Толстовские идеи занимали и Владимира Семашко. Подход Льва Николаевича к разрешению общественных проблем в целом коррелировался с субъективно-социологическими взглядами либеральных народников, философские взгляды которых, по-видимому, были близки Владимиру Семашко.

20 октября 1894 г. в Ливадии умер император Александр III и среди части студентов Московского университета воскресли надежды на изменение существующего положения в российском обществе. В Союзном совете землячеств решено было обратиться к новому императору Николаю II с петицией, в которой излагались бы насущные нужды и пожелания студенчества. Решено было просить пересмотра действующего университетского устава на следующих принципах: университетское самоуправление; свобода преподавания; свободный доступ к высшему образованию всех, получивших среднее; уменьшение платы; свобода студенческих организаций. При этом петиция не должна была касаться вопросов общегосударственного характера<sup>54</sup>. В агитации деятельно участвовал Владимир Семашко<sup>55</sup>. Большинство студентов стояли за то, чтобы «ограничиться ходатайством об изменении университетского уста-

<sup>49</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 6.

<sup>50</sup> Там же. Л. 6 об.; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 97. 3-е дел. (1899 г.). Д. 122. Л. 2 об. — 3.

<sup>51</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 7. Статья Л. Н. Толстова «Неделание» была опубликована в 1893 году в журнале «Северный Вестник» (№ 9). Толстой рассматривал выступление Эмиля Золя перед французскими студентами и письмо Дюма по этому поводу к редактору издания «Голуа».

<sup>52</sup> Толстой Л. Н. ПСС. Т. 29. М., 1954. С. 195–196.

<sup>53</sup> Семашко Н. Из воспоминаний // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 168.

<sup>54</sup> Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 57.

<sup>55</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 7 об. — 8.

ва и о допущении к высшему образованию женщин». Союзный совет в своем воззвании, составленном 26 октября, рекомендовал принимать присягу новому императору и воздерживаться от каких-либо манифестаций<sup>56</sup>. Содержание петиции рассматривалось 27 октября на квартире студента Л. А. Конкевича, где собрались представители 23 землячеств. Московское охранное отделение, готовившееся к предстоящей коронации нового императора и получившее разрешение департамента полиции удалить из первопрестольной столицы «руководителей противоправительственной пропаганды», было информировано об этом собрании. В квартиру Конкевича «явилась полиция и переписала всех участников». В Петербург был представлен список на высылку 48-ми студентов. Но в департаменте полиции решили пока «не обострять положение» и поручили Московскому обер-полицмейстеру ограничиться увещеваниями задержанных студентов<sup>57</sup>.

Часть членов землячеств и Союзного совета, основываясь на решении 2-го съезда Союзов землячеств, заявляли о «необходимости отодвинуть интересы студенчества на второй план и примкнуть к общественному политическому движению». В результате, в петицию были включены как академические, так и политические требования (учреждение в России конституционного правления, созыв народных представителей и свобода печати)<sup>58</sup>. Петиция была отвезена в Петербург, но на лестнице Зимнего дворца посланца арестовали<sup>59</sup>. Вскоре после этого произошел инцидент, вызванный лекцией профессора В. О. Ключевского, посвященной умершему императору Александру III. По утверждению попечителя Московского учебного округа И. Д. Капниста лекция прошла «в полном порядке»<sup>60</sup>. Но 30 ноября Ключевскому была устроена бурная протестная демонстрация. Студенты обвиняли профессора в поддержке реакционного курса Александра III<sup>61</sup>. 1 декабря правление университета осудило обструкцию, устроенную Ключевскому, и вынесло приговор 10 выявленным участникам протеста. Трое были исключены из университета, трое посажены в карцер на три дня, а четы-

<sup>56</sup> Меньщиков А. Указ. соч. С. 227–228.

<sup>57</sup> Орлов В. И. Указ. соч. С. 268.

<sup>58</sup> Ушаков. А. В. Указ. соч. С. 130.

<sup>59</sup> Там же. С. 131–132.

<sup>60</sup> Мельгунов С. П. Московский университет в 1894 г. (по поводу воспоминаний проф. Боголепова) // Минувшие годы. 1913. № 5. С. 195.

<sup>61</sup> Резникова Е. Д. Указ. диссертация. С. 103.

ре студента получили выговор<sup>62</sup>. 2 декабря студенты попытались опротестовать несправедливое, по их мнению, решение правления и устроили общую сходку. Большая их группа собралась для обсуждения в химическую лабораторию<sup>63</sup>. Но неожиданно для них и для Союзного совета<sup>64</sup> двор университета начал заполняться полицейскими, которые приступили к задержанию студентов и переписке их. В 7 часов вечера полиция начала аресты заранее намеченных охранным отделением активистов организации по квартирам, продолжавшиеся до вечера 3 декабря<sup>65</sup>.

Тогда же был арестован Владимир Семашко, но не за участие в студенческой демонстрации. Ему было предъявлено обвинение в том, что он «принимал деятельное участие в агитации среди учащейся молодежи в Москве по поводу составления незаконной петиции на Высочайшее имя о коренном изменении ныне действующего университетского устава»<sup>66</sup>. Такое же обвинение было предъявлено еще 51 студентам<sup>67</sup>, арестованным 2–3 декабря, что определенно давало понять: всякая общественная инициатива, проявленная со стороны студенчества, будет незамедлительно караться. В этом был смысл и назначение прошедших арестов и высылки. О тщетности подобных «бессмысленных мечтаний» 17 января 1895 г. высказался и сам Николай II на приеме депутатов всех сословий, земств и городов.

Решением министра внутренних дел Владимиру Семашко запрещено было «жительство в столицах, столичных губерниях, университетских городах, Ярославле, Твери, Риге, Нижнем Новгороде, Самаре и Саратове в течение трех лет с 3 декабря 1894 г.»<sup>68</sup>. Департамент полиции 20 декабря 1894 г. отдал распоряжение выслать его в Елец и там «подчинил негласному надзору и особо секретному наблюдению»<sup>69</sup>. В дальнейшем, до выхода манифеста 17 октября 1905 года, В. Семашко оставался ограничен в правах местожительства и занятия педагогической деятельностью.

---

<sup>62</sup> Орлов В. И. Указ. соч. С. 270–271.

<sup>63</sup> Некоторые курсы отправили депутатов к ректору и инспектору. Начальство заявило депутатам, что «суд безапелляционен, к тому же поступил милостиво». После этого студенты стали расходиться. Орлов В. И. Указ. соч. М., 1930. С. 272.

<sup>64</sup> Мельгунов С. П. Московский университет в 1894 г... // Минувшие годы. 1913. № 5. С. 199; Резникова Е. Д. Указ. диссертация. С. 104

<sup>65</sup> Орлов В. И. Указ. соч. М., 1930. С. 272.

<sup>66</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 7 об. — 8.

<sup>67</sup> Там же. Л. 28–29.

<sup>68</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 8.

<sup>69</sup> Там же. Л. 9–9об.

В ссылке Владимир Семашко, по сведениям полиции, «ничего предосудительного в политическом отношении явного не проявлял». Тем не менее, в Орловском ГЖУ считали «его убеждения сомнительными» в политическом отношении. «Негласный надзор» в Ельце отмечал постоянные «сношения его с поднадзорными». В начале 1895 г. он пытался открыть в городе торговлю книгами от Орловского комитета Народных чтений, как отмечалось в полицейском донесении, — «при посредстве других лиц, ничем не скомпрометированных». Тем не менее, власти предпочли запретить продажу народных книг, инициатор которой был «особо поднадзорный»<sup>70</sup>. В сентябре 1895 г. он подал прошение о поступлении в Киевский университет св. Владимира, на которое департамент полиции дал своё согласие, распорядившись продолжить за В. Семашко негласное наблюдение полиции<sup>71</sup>. В Ельце он оставался с января по октябрь 1895 г., после чего уехал в Киев<sup>72</sup>, где в 1896 г. закончил последнюю сессию в университете св. Владимира<sup>73</sup>. Давая характеристику относительно его «благонадежности», начальник Орловского ГЖУ Дудкин сообщал в департамент полиции, что хотя он «и не обнаруживал подозрения в политической неблагонадёжности, показывая себя скромным и нравственным, но, не изменяя либерального и вредного направления своего, обнаруживал энергичное стремление быть ближе к народу»<sup>74</sup>. Такая характеристика вполне ясно говорила о политических взглядах В. А. Семашко и неизменности его стремлений служить благу народа.

После завершения учёбы Владимир Александрович оставался под негласным надзором полиции, кочуя по разным губерниям в поисках службы. К началу 1898 г. он поступил в Управление Юго-Западных железных дорог<sup>75</sup>, а через год оставил эту службу и был «обнаружен полицейским надзором» в городе Хороле Полтавской губернии, «состоящим учителем местной женской прогимназии»<sup>76</sup>. В дальнейшем, имея диплом 1-й степени об окончании естественного факультета университета св. Владимира, он поступил в Московский Сельскохозяйственный институт и, окончив его, стал агрономом 1-го раз-

---

<sup>70</sup> Там же. Л. 42.

<sup>71</sup> Там же. Л. 53–56.

<sup>72</sup> Там же. Л. 62.

<sup>73</sup> Там же. Л. 67–69.

<sup>74</sup> Там же. Л. 53 об.

<sup>75</sup> Там же. Л. 74–75.

<sup>76</sup> Там же. Л. 76.

ряда. В 1903 г., еще учась в институте, Владимир Семашко нанялся на службу агрономом в Суджанское уездное земство Курской губернии<sup>77</sup>. 26 ноября 1903 г. начальник Курского ГЖУ рапортовал в департамент полиции: «... проживающий в городе Судже агроном Суджанского земства дворянин В. А. Семашко ведёт знакомство исключительно с лицами вредного направления...». Далее полковник сообщал: «С месяц тому назад Семашко вступил в число членов общества содействия народному образованию Суджанского уезда и имеет намерение быть допущенным преподавателем в Воскресной школе при Суджанском городском училище, причём в образе его жизни заметно желание сблизиться с народом, чтобы иметь возможность проводить в него свои вредные идеи»<sup>78</sup>. В августе 1905 г. В. Семашко пытался занять должность преподавателя в одном из земледельческих училищ, но получил формальный отказ из департамента полиции<sup>79</sup>. Политические ограничения были сняты с него после октябрьского манифеста 1905 г. Жил он тогда в Полтаве, где в ноябре 1905 г. начал службу преподавателем реального училища<sup>80</sup>, занимаясь по своей сельскохозяйственной специальности. В марте 1907 г. Николай Семашко<sup>81</sup> писал Г. В. Плеханову: «Мой старший брат служит агрономом в Полтавской губернии...»<sup>82</sup>.

Общественно-политические воззрения Владимира Семашко складывались в годы, когда «народническая интеллигенция обратилась к мирной, культурно-просветительной деятельности в деревне». Я. В. Абрамов, публицист газеты «Неделя», в 1885 г. в своих статьях призывал интеллигентных специалистов, «способных на простое, честное дело», заняться работой в деревне, где её положение будет «выше теперешнего, которого она достигала перепиской, уроками и даже извозным промыслом». Обращалось внимание на значение деятельности интеллигенции в деревне для ограждения крестьянства от разорения под воздействием развивавшихся там капиталистических порядков, путём улучшения культуры ведения своего хозяйства и распространения агро-

---

<sup>77</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 77–79, 84.

<sup>78</sup> Там же. Л. 80.

<sup>79</sup> Там же. Л. 87–88.

<sup>80</sup> Там же. Л. 89–91 об.

<sup>81</sup> Весной 1907 г. Н. А. Семашко, член РСДРП, находился в политической эмиграции, жил в Женеве, вынужденный бежать из России под угрозой смерти в тюремном заключении.

<sup>82</sup> РНБ. АДП. Ф, 1093. Оп. 3. Ед. хр. 661. Л. 2.

номических знаний. Организационным прибежищем для такой интеллигенции Абрамов считал земские учреждения<sup>83</sup>. Эти призывы ещё в юности были восприняты Владимиром Семашко, проверженным идеям легального народничества.

Учёба Николая Семашко в Елецкой гимназии началась в 1885 г.<sup>84</sup> С первого класса он показал себя одним из лучших учеников, проявив не только внимание и усидчивость, но и способности. После смерти отца в декабре 1888 г. ему пришлось своим трудом помогать семье. Чтобы содержать себя, и тем поддерживать семью, он давал платные уроки<sup>85</sup>, продолжая учиться в гимназии очень хорошо. Тогда Николаю шел 15-й год и учился он в 4-м классе. Его мать Мария Валентиновна, как вдова потомственного дворянина, в 1891–1893 гг. освобождалась от внесения платы за учёбу сына<sup>86</sup>. В своих прошениях директору мужской гимназии она пользовалась поддержкой Предводителя дворянства Елецкого уезда, который выдавал ей «Свидетельства о материальной несостоятельности» семьи. 7 февраля 1892 г. Предводитель дворянства писал, что Мария Валентиновна «обременена многочисленным семейством и, не имея никакого имущества, снискивала себе на пропитание и воспитание детей личным трудом и пользуясь пособием от родных своего умершего мужа»<sup>87</sup>. В 4-м классе Николай учился вместе с Михаилом Пришвиным, называвшим его впоследствии «первейшим другом» в гимназии и «очень хорошим человеком, честнейшим до ниточки»<sup>88</sup>. В гимназию Пришвин был принят в 1883 г.<sup>89</sup> и в 4-м классе, из-за своего второродничества, учился вместе с Семашко. Их совместная учёба продолжалась 1 год. Весной 1889 г., в результате конфликта с учителем географии В. В. Розановым, Пришвина исключили из гимназии<sup>90</sup>.

В его автобиографическом романе «Кошечья цепь» под именем Ефима Несговорова, выведен Николай Семашко<sup>91</sup>, с которым

---

<sup>83</sup> Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX — начале XX в. Воронеж, 2010. С. 195, 201–202.

<sup>84</sup> ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 170. Л. 62 (94).

<sup>85</sup> Семашко Н. А. Прожитое и пережитое М., 1960. С. 8–9.

<sup>86</sup> ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 247. Л. 151; Д. 260. Л. 80, 159.

<sup>87</sup> ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 260. Л. 81.

<sup>88</sup> Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922 гг. М., 1995. С. 275.

<sup>89</sup> ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 144. Л. 22 об.

<sup>90</sup> Мамонтов О. Н. Новые материалы к биографии М. М. Пришвина // Русская литература. 1986. № 2. С. 177, 184.

<sup>91</sup> Введенская М. М. Елецкие друзья // Воспоминания о Михаиле Пришвине: сборник. М., 1991. С. 27.

Курымушка (Михаил Пришвин) стремился сблизиться<sup>92</sup>. В своём романе Пришвин представлял Семашко (Несговорова), как ученика 8 класса. Он писал о себе (Курымушке): «Против его четвёртого класса был физический кабинет... и там восьмиклассники занимались, настоящие умные ученики, и среди них Несговоров был первый, к нему относились особенно»<sup>93</sup>.

В одной из книг о творчестве М. М. Пришвина утверждается, что «... с существованием социал-демократического «подполья» и революционной нелегальной литературой будущий писатель впервые познакомился ещё учеником в середине 1880-х годов благодаря своему старшему товарищу по Елецкой гимназии Н. А. Семашко»<sup>94</sup>. Николай Семашко был на один год моложе Михаила Пришвина и «старшим» товарищем мог быть только по своему развитию. Он, тогда подросток 14 лет, мать которого была сводной сестрой Г. В. Плеханова, по-видимому, имел представление о революционной деятельности своего дяди<sup>95</sup> и мог рассказывать о нём своему другу Михаилу Пришвину.

Перейдя в 1889 г. в 5-й класс, Семашко продолжал хорошо учиться. Он окончил его с отличными оценками по древним языкам (латинскому и греческому), по французскому и немецкому и почти по всем остальным предметам (математике, географии, истории). Педагогический совет гимназии перевел его в 6-й класс с наградой 1-й степени<sup>96</sup>.

С 1892 г. его успехи в учёбе стали снижаться. В 8-м классе, в который он был переведён с наградой 2-й степени<sup>97</sup>, образовался не-

<sup>92</sup> Пришвин М. М. Собрание соч. : в 8 т. Т. 2. М., 1982. С. 84–87.

<sup>93</sup> Там же. С. 84. В 1888–1889 гг. в 8-м классе гимназии учился Владимир Семашко.

<sup>94</sup> Подоксенов А. М. Художественный мир Михаила Пришвина в контексте мировоззренческого дискурса русской культуры XX века. Елец ; Кострома, 2012. С. 49. О том же см.: Подоксенов А. М., Телкова В. А. М. М. Пришвин и Н. А. Семашко: художественный образ «гимназического друга» в творчестве писателя // *Философия и культура*. 2020, № 12. С. 42.

<sup>95</sup> Сёстры Г. В. Плеханова в 1880-х — начале 1890-х гг. были в курсе заграничной жизни своего брата, знали о его революционной деятельности и некоторые из них находились в России под негласным надзором полиции. Александра Валентиновна в 1882–1887 гг. жила за границей вместе с Георгием Валентиновичем. В 1883 г. она привозила в Россию нелегальные издания // *Коробейников В. Н.* К вопросу о судьбе сестры Г. В. Плеханова — Александры Валентиновны Якич-Плехановой // *Русский сборник : исследования по истории России*. Т. XXIX. М., Модест Колеров. 2021. С. 310–311.

<sup>96</sup> ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 235. Л. 78 об — 79.

<sup>97</sup> ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 265. Л. 85 об — 86.

большой кружок из гимназистов, стремившихся, прежде всего, выйти за пределы учебной программы, в которой не было места для книг, посвященных общественным вопросам. Тем более запрещалось им читать произведения революционных демократов. Развитию интереса к общественно-политической литературе способствовало знакомство учащихся со студентами, приезжавшими в Елец. К ним тянулись гимназисты старших классов<sup>98</sup>. Как много позже писал Николай Александрович, ими был создан кружок «для изучения Чернышевского, Добролюбова, Скабичевского и других полулегальных писателей»<sup>99</sup>. Как ни странно, но об этих собраниях стало известно в департаменте полиции, куда сведения поступили из Особого отдела. Начальник Орловского ГЖУ на запрос департамента полиции 4 мая 1893 г. уведомлял Петербург: «... ученики и ученицы старших классов мужской и женской гимназий в ноябре 1892 г., действительно, начали было группироваться, собираясь друг у друга, но отдельно воспитанники от воспитанниц». Полковник сообщал, что «на собраниях этих, с целью самообразования, читались статьи из журналов: «Русской Мысли», «Дела», «Отечественные Записки» и сочинения Щедрина». Собрания, в которых участвовало 7 гимназистов, в их числе — Николай Семашко, были признаны елецким жандармским ротмистром не имеющими «никакого серьезного характера». Поэтому в ноябре 1892 г., «для усиления надзора и наблюдения за учащимися», ротмистр сообщил о собраниях инспектору мужской гимназии и начальнице — женской<sup>100</sup>. Владимиру Семашко во второй половине ноября 1892 г. писали в Москву из Ельца, что «там полиция накрыла кружок гимназистов, читавших что-то, собиравшихся для чего-то»<sup>101</sup>. В феврале 1893 г. елецкие жандармы получили сведения, что собрания учащихся и чтение ими журналов продолжается<sup>102</sup>. По всей вероятности, гимназическое начальство не посчитало серьезным предыдущее сообщение и не разогнало кружок. Начальник Орловского ГЖУ считал, что эти учащиеся «находятся, исключительно под влиянием студентов Московского университета...», и называл при этом Евгения Звягинцева, Димитрия Протопо-

<sup>98</sup> Введенская М. М. Елецкие друзья // Воспоминания о Михаиле Пришвине : сборник. М., 1991. С. 23.

<sup>99</sup> Семашко Н. Из воспоминаний // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 168.

<sup>100</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 97 (1899 г.). 3 дел. Д. 122. Л. 1 об. — 2.

<sup>101</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 2 об.

<sup>102</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 97 (1899 г.). 3 дел. Д. 122. Л. 2.

пова и Владимира Семашко<sup>103</sup>. По мнению жандарма, под их исключительным влиянием «воспитанники и воспитанницы гимназий навлекли на себя подозрения в политической неблагонадежности»<sup>104</sup>. 19 апреля 1893 г. состоялось заседание комиссии преподавателей Елецкой гимназии, на которой Николай Семашко был допущен к «письменному испытанию зрелости» в июне того же года<sup>105</sup>. По-видимому, вслед за этим членов кружка «накрыл» директор гимназии»<sup>106</sup>, а 27 апреля инспектор гимназии сделал обыск в доме ученика 7-го класса А. Коноплянцева и нашел у него гектографированные экземпляры рукописного ученического журнала «Прогресс». В журнале учащиеся упражнялись в написании литературных сочинений: повестей и рассказов, по отзыву инспектора, «невинных по содержанию и не совсем складных по изложению»<sup>107</sup>. Тогда же у Коноплянцева найдены были запрещенные для гимназистов книги и журналы: «статьи политико-экономического и социологического содержания из «Отечественных Записок» и «Современника», журнал «Русская Мысль», книга Кривенко «Физический труд»<sup>108</sup>. Найдены также две тетради с выписками из Щедрина, Шелгунова, Скабичевского, Дарвина, Конта и Гегеля и тетрадь с расписками членов кружка о взносе денег на приобретение книг<sup>109</sup>. Каждый кружковец (это были ученики 5–8 классов) сдавал деньги на приобретение книг интересовавших его авторов. Это были сочинения Добролюбова, Скабичевского, Гольцева и книги «сельско-хозяйственного содержания». В тетради записан был и Николай Семашко. Он читал только что опубликованную книгу Г. А. Джаншиева «Из эпохи великих реформ»<sup>110</sup>, которую предоставил инспектору<sup>111</sup>. Н. А. Семашко писал в воспоминаниях: «Члены кружка были уволены из по-

<sup>103</sup> Там же.

<sup>104</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 91. 3 дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 5.

<sup>105</sup> ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 267. Л. 14.

<sup>106</sup> Семашко Н. Клочки воспоминаний. От зари революции до ее рассвета М., 1930. С. 7.

<sup>107</sup> ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 267. Л. 14.

<sup>108</sup> Книга С. Н. Кривенко была составлена из двух его статей, напечатанных в «Отечественных Записках» в 1876–1878 гг.: «Физический труд, как необходимый элемент образования» и «Несколько замечаний на сочинение Спенсера о воспитании». Кривенко С. Н. Собрание сочинений. Т. 1. СПб., 1911. С. 1–2.

<sup>109</sup> ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 267. Л. 17 об.

<sup>110</sup> Труд юриста Г. А. Джаншиева «Из эпохи великих реформ» пользовался спросом, выходил в течение первой половины 1892 г. последовательно тремя изданиями. С 1896 г. книга переиздавалась под названием «Эпоха великих реформ».

<sup>111</sup> ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 267. Л. 18.

следнего класса гимназии с волчьим паспортом, относительно меня шли долгие дебаты, так как за все время учения в гимназии я был лучшим учеником»<sup>112</sup>. На самом деле, организатор кружка Александр Коноплянцев получил дисциплинарное наказание — был посажен на 24 часа в карцер (в пустой класс). Его предупредили, что в следующий раз он будет «уволен из гимназии»<sup>113</sup>. Еще пять гимназистов участников кружка также были посажены в карцер на 24 и 12 часов с последующим строгим надзором за ними со стороны воспитатель<sup>114</sup>. При обсуждении на педагогическом совете проступка Николая Семашко, было сказано, что «ученик 8 класса Семашко всегда отличался безупречностью поведения и успешностью в занятиях». Решено было: «принимая во внимание его отличное поведение и успехи в течение всего гимназического курса, отметить в поведении баллом четыре»<sup>115</sup>. 2 июня 1893 г. его удостоили Аттестатом зрелости, в котором из 10 предметов было пять пятерок, четыре четверки и тройка по русскому языку<sup>116</sup>. М. М. Пришвин 15 мая 1918 г. писал в дневнике: «... Семашко, всегда 1-го ученика, за чтение Белинского лишили золотой медали»<sup>117</sup>. Это была легенда, возможно, созданная самим Пришвиным, и развитая другими<sup>118</sup>. Золотую медаль в тот год не получил ни один ученик. Серебряной медалью был награждён один из соучеников — Пономарев Ростислав. Сравнивая выпускные оценки Пономарева и Семашко видим, что Семашко отставал от Пономарева по трём предметам<sup>119</sup>.

В сентябре 1893 г., вместе с братом Владимиром, он уехал в Москву<sup>120</sup>, где поступил на медицинский факультет Московского универ-

---

<sup>112</sup> Семашко Н. Ключки воспоминаний... М., 1930. С. 7

<sup>113</sup> ГАЛО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 267. 18 об.

<sup>114</sup> Там же. Л. 19.

<sup>115</sup> Там же.

<sup>116</sup> ГАЛО. Ф. 119 Оп. 1. Д. 267. Л. 43 об. — 44. Тройки по русскому языку имели большинство учеников 8-го класса.

<sup>117</sup> Пришвин М. М. Дневники. 1918–1919. СПб., 2008. С. 108.

<sup>118</sup> М. М. Введенская — родная сестра А. М. Коноплянцева, вспоминала: «На выпускных экзаменах все делалось для того, чтоб не давать ему [Семашко] медали: так закон божий заставили его отвечать на греческом языке, и он ответил. Сочинение блестящее написал, и за поведение ему «пять» поставили, но медали все-таки не дали». Введенская М. М. Елецкие друзья // Воспоминания о Михаиле Пришвине : сборник. М., 1991. С. 24.

<sup>119</sup> По русскому языку у Пономарева была четвёрка, у Семашко — тройка, по греческому языку и логике Пономарев имел пятёрки, а Николай Семашко — четвёрки. ГАЛО. Ф. 119 Оп. 1. Д. 267. Л. 44.

<sup>120</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е дел. (1893 г.). Д. 1016. Л. 5 об.

ситета. Свои тогда общественно-политические взгляды Николай Семашко определял, как «смутные, революционно-демократические настроения»<sup>121</sup>. Поэтому бесосновательно считать, что в тот год он вошел в марксистский кружок и даже стал членом РСДРП<sup>122</sup>, которая находилась тогда в кружковом состоянии. Вопрос о времени его становления, как марксиста, имеет свою историографическую историю. В первом издании Большой Советской энциклопедии в статье о Семашко даётся взвешенное определение: «в революционном движении с 1893, в партии с её основания»<sup>123</sup>. После смерти Семашко в советской исторической литературе закрепилось мнение, опиравшееся на одно из его первых воспоминаний<sup>124</sup>, что, окончив гимназию в 1891 г., он поступил в Московский университет, а в 1893 г. стал членом марксистского кружка<sup>125</sup>. Как представляется, в 1893 г. Николаю Семашко не доставало знаний для общественно-политического понимания окружающей действительности и, тем более, чтобы стать марксистом. Об уровне его образованности и направленности интересов в общественных вопросах говорит то, что в 1892–1893 гг. он участвовал в просветительском кружке, в котором гимназисты стремились изучать работы революционных демократов.

С первых месяцев учёбы в университете он, по его словам, «набросился на те книги, которые были запрещены в гимназии». Чернышевский, Добролюбов, Писарев «были прочтены запоем». Появилась там возможность читать подпольные издания, в том числе «нелегальные книжки, популяризирующие учение Маркса»<sup>126</sup>. Но до того, как осознать значение марксизма для понимания исторических процессов, ему необходимо было разобраться в общественных движениях, развивавшихся в России. Требовались также соответствующее личное окружение. Думается, не случайно в своих воспоминаниях он отделял на два года время присоединения к марксистской группе в Союзном совете Московского университета от окончания им гимназии<sup>127</sup>.

---

<sup>121</sup> Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 17.

<sup>122</sup> Конференция РСДРП 1912 года. Документы и материалы. М., 2008. С. 1093.

<sup>123</sup> БСЭ. Первое издание. Т. 50. М., 1944. Стб. 738.

<sup>124</sup> Семашко Н. Из воспоминаний // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 167, 169.

<sup>125</sup> Семашко Н. А. Избранные произведения. М., 1954. С. 6; БСЭ. Третье издание. Т. 23. М., 1976. С. 224; БМЭ под ред. акад. Б. В. Петровского. Изд. 3-е. Т. 23. М., 1984.

<sup>126</sup> Семашко Н. Страницы воспоминаний // Советское студенчество. 1937. № 3. Цитируется по: Семашко Н. А. Избранные произведения. М., 1954. С. 293.

<sup>127</sup> Семашко Н. Из воспоминаний // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 167, 169.

В университете Семашко оказался среди студентов, как он писал, — «в большинстве голодных и холодных», которые «тянулись к оппозиционным настроениям и революционным партиям»<sup>128</sup>, что помогало ему войти в контекст волновавших молодежь общественных вопросов. Развитию его политического сознания способствовали также лекции либеральных профессоров А. И. Чупрова, И. М. Сеченова, К. А. Тимирязева<sup>129</sup> и приват-доцента М. Н. Милюкова, лекции которого Союзный совет предлагал членам землячеств возможно шире распространять, как материал «весьма пригодный к подготовке студентов для общественной деятельности»<sup>130</sup>.

Через некоторое время Семашко избрали представителем Елецкого землячества в Союзный совет<sup>131</sup>, политическая линия которого, как он писал впоследствии, «в общем, была довольно сумбурной»<sup>132</sup>. Из членов Союза землячеств Семашко припоминал: П. Г. Смидовича<sup>133</sup>, А. А. Богданова (Малиновского), В. Г. Громана, В. А. Базарова (Руднева) и А. Е. Лосицкого<sup>134</sup>. Из них Смидович был исключен из университета «за участие в нелегальных студенческих кружках»<sup>135</sup> и числился в списке студентов Московского университета, высланных на родину в декабре 1894 г.<sup>136</sup> Тогда же, за «участие в Союзном совете землячеств», выслали на родину в Тулу Малиновского<sup>137</sup>. Лосицкий выслан был из Москвы в ноябре 1895 г.<sup>138</sup> Громана арестовали в ноябре 1896 г. и 18 января 1897 г. выслали на родину<sup>139</sup>. Все перечисленные студенты, кроме Руднева, который в 1896 г. входил в третий состав участников Московского «Рабочего союза»<sup>140</sup>, не были марксистами и социал-демократами.

<sup>128</sup> Семашко Н. Ключки воспоминаний... С. 7.

<sup>129</sup> Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 17;

<sup>130</sup> Меньщиков Л. Охрана и революция... Часть 1. Годы реакции. 1885–1898 гг. М., 1925. С. 236.

<sup>131</sup> Семашко Н. Из воспоминаний // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 169; Семашко Н. Ключки воспоминаний... С. 7, 8; Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 19.

<sup>132</sup> Семашко Н. Ключки воспоминаний... С. 8.

<sup>133</sup> Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 20.

<sup>134</sup> Семашко Н. Ключки воспоминаний... М., 1930. С. 8.

<sup>135</sup> БСЭ. Третье издание. Т. 23. С. 608.

<sup>136</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 91. 3-е делопроизводство (1893 г.). Д. 1016. Л. 28об.

<sup>137</sup> БРЭ. Т. 8. С. 34.

<sup>138</sup> Меньщиков Л. Указ. соч. С. 243, 413.

<sup>139</sup> Там же. С. 426–427.

<sup>140</sup> Кутнев В. Ф. «Московский «Рабочий Союз». М., 1985. С. 228; Руднев в ночь с 10 на 11 ноября 1896 г. Меньщиков Л. Охрана и революция... С. 313, 422.

Перелом в характере деятельности студенческой организации произошёл в начале 1895 г. Причиной перемен стали аресты её членов 3 декабря 1894 г. Поначалу отношение к произошедшему, как в студенческой среде, так и со стороны начальства, оставалось неопределённым. Министр народного просвещения И. Д. Делянов высказывал пожелание отложить высылку арестованных до рождественских каникул. В это время среди либеральной части профессоров готовилась петиция в адрес генерал-губернатора Москвы. По мнению протестантов большинство высылаемых студентов подлежали университетскому суду, а не административным взысканиям<sup>141</sup>. Союзный совет 11 декабря обратился к студентам с просьбой не разъезжаться до 15 декабря. В организации не ждали к этому сроку освобождение арестованных, но надеялись, что выяснится отношение профессоров и властей к этому делу. В случае неизменности позиции властей и безрезультатности петиции профессоров Союзный совет намеревался «прибегнуть к крайним мерам» и, «во всяком случае, это дело довести до конца»<sup>142</sup>. Депутация 42-х профессоров<sup>143</sup> передала 17 декабря петицию вел. кн. Сергею Александровичу, который поручил создать комиссию для рассмотрения степени виновности студентов, уже высланных к этому времени из Москвы административным порядком. В работу комиссии, в которую вошли полицейские власти (Власовский, Бердяев) и попечитель Капнист, вмешался департамент полиции, считавший своей привилегией решать это дело. Власовскому, а за ним Капнисту, пришлось лично докладывать по этому вопросу государю. В результате: вел. кн. Сергей Александрович оставил в силе административные наказания студентам<sup>144</sup>. «Петиция 42-х» получила отклик среди университетских профессоров, большинство которых высказывались против Союзного совета. На собрании 29 декабря 1894 г., под влиянием ректора Некрасова, была принята компромиссная формула: «не касаясь в настоящее время вопроса о землячествах, как отдельных студенческих обществах для благотворительных и общеобразовательных целей, мы считаем вредным для общеуниверситетской жизни так

---

<sup>141</sup> Меньщиков А. Указ. соч. С. 233.

<sup>142</sup> Мельгунов С. Студенческие организации 80–90 гг. в Московском университете (по архивным данным). М., 1908. С. 65–66.

<sup>143</sup> В числе подписавших петицию был В. О. Ключевский // Меньщиков А. Указ. соч. С. 412.

<sup>144</sup> Меньщиков А. Указ. соч. С. 234–235.

называемый союзный совет, как такой тайный союз, который имеет притязание судить университетских преподавателей, начальство и студентов...». Под этим решением подписались 82 профессора<sup>145</sup>. На Союзный совет было заведено особое дело о государственной преступности его деятельности, расследованием которого занималось Московское ГЖУ<sup>146</sup>.

Из-за перемены отношения властей Союзному совету пришлось «законспирировать свой состав», и от прежде, на практике, «открытого органа, с которым разговаривали и профессора, и полицейские власти», перейти к тайной системе организации<sup>147</sup>. Это ограничивало открытость его отношений со студенческой средой. Политика же властей способствовала радикализации настроений его членов. Семашко писал: «Чем дальше развертывалась политическая борьба, тем более дифференцировались политические течения и тем более обострялась борьба внутри самого совета»<sup>148</sup>. Весной 1895 г. начались аресты обновлённого состава Союзного совета. Следствие и дознание продолжались до конца 1896 г. когда 6 ноября дело о Союзном совете было «разрешено высочайшим повелением»<sup>149</sup>. В прокламации, относящейся к концу 1896 г., Союзный совет объяснял своё положение: «борьба против окружающих нас условий, которая не позволяет нам разумно жить и учиться, делают для нас невозможным никакое мирное выражение своих мнений и желаний, и волей-неволей заставляют нас становиться в боевое положение»<sup>150</sup>. Семашко вспоминал: «Союзный совет землячеств был органом политическим» и задача его состояла в том, «чтобы политически воспитывать студентов (через него доставали много нелегальной литературы). Собирались мы с соблюдением всех мер конспирации»<sup>151</sup>.

О тех внешних условиях, в которых приходилось действовать Союзному совету землячеств говорит один из его документов, относящийся к 1896 г., в котором писалось: «Мы находимся под постоянной опекой полиции, без разрешения которой не можем даже на время оставить Москву; охранное отделение обращает на

---

<sup>145</sup> Мельгунов С. Указ. соч. С. 82.

<sup>146</sup> Меньщиков А. Указ. соч. С. 236.

<sup>147</sup> Орлов В. И. Указ. соч. С. 284.

<sup>148</sup> Семашко Н. Клочки воспоминаний... С. 8.

<sup>149</sup> Меньщиков А. Указ. соч. С. 243, 413.

<sup>150</sup> Мельгунов С. Указ. соч. С. 78.

<sup>151</sup> Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 18, 20.

нас особое внимание, преследуя нас постоянно арестами и высылками... Что же мы находим в университете? Вместо объединённых общей идеей интеллигентных работников будущего, мы встречаем там разрозненную и тем, в значительной степени, деморализованную толпу отдельных посетителей университета, среди которых, чуть не на каждом курсе каждого факультета, существуют тайные и даже явные шпионы; вместо нравственного единения с профессорами мы находим официальные отношения с чиновниками-преподавателями; вместо администрации, представляющей за наши духовные и материальные интересы, мы имеем дело с толпой полицейских, проникнутых заботами о «предупреждении» и «пресечении»... В довершение всего нас третируют, как профессиональных «бунтовщиков»... Какой гнёт может быть тяжелее для людей, которые по самой природе своих занятий научаются ценить свободу критической мысли?»<sup>152</sup>.

По-видимому, в конце 1894 — начале 1895 г. Семашко начал склоняться к марксизму. Он вспоминал: «... когда я прочёл нелегальную брошюру Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», я почувствовал, что мои политические симпатии на стороне марксизма». На его выборе сказались детские впечатления в годы жизни в деревне Ливенка. Он писал: «понятие о классовой борьбе, о борьбе классов у меня сложилось довольно прочно». Во время студенческих дискуссий Семашко пытался полемизировать с народниками. Но это, по его словам, «выходило неважно: был плохо вооружен, а народники, как В. М. Чернов, и особенно старые народовольцы были гораздо начитаннее меня»<sup>153</sup>. Необходимо было изучать марксизм в приложении к практике российского оппозиционного и революционного движения. В 1894–1895 гг. среди членов Союзного совета образовалась марксистская группа, в которую вошел Семашко. Под влиянием рабочего движения в Москве, которое стимулировало студентов к переходу от идейного увлечения марксизмом к практической деятельности, необходимо было более углублённо изучать марксизм. Семашко писал, что «в центре нашего внимания и самого пристального изучения» были сначала «Наши разногласия» Плеханова». Разбор существа теоретических споров между легальными народниками и марксистами дала гектографированная рукопись сочинения

---

<sup>152</sup> Мельгунов С. Указ. соч. С. 70–71.

<sup>153</sup> Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 18–19.

В. И. Ульянова «Что такое «дружья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов)»<sup>154</sup>. Эту работу Семашко представилась возможность проштудировать и сделать из нее выписки в 1895 г.<sup>155</sup>. После прочтения сочинений Плеханова и гектографированной рукописи Ульянова он, по его словам, «с жаром прозелита занялся пропагандой марксистских идей среди товарищей, и принялся за организацию социал-демократических кружков среди студентов». О марксистской пропаганде в пролетарской среде он писал: «Прослышав о начавшемся подпольном движении рабочих (первомайская демонстрация в Сокольниках в 1895 г.), я стал налаживать связи с рабочими...»<sup>156</sup>.

В ноябре 1896 г., вместе с молодыми марксистами В. В. Воровским и В. Д. Бонч-Бруевичем, он принял участие в подготовке Союзным советом землячеств воззвания к москвичам и студентам с призывом прийти 18 ноября на демонстрацию-панихиду по погибшим на Ходынском поле 18 мая 1896 г. Мысль о демонстрации возникла в одном из землячеств, но «устройство её вызвало протест значительной части союзного совета»<sup>157</sup>. Воззвание было выпущено 14 ноября. В ночь на 17 ноября 1896 г., желая предотвратить шествие, полиция произвела обыски и аресты известных ей членов Союзного совета<sup>158</sup>, в их числе и Семашко. У него обнаружили: «11 разных воззваний Союзного совета, протоколы собраний 1893–96 гг. Елецкого землячества и медный кастет»<sup>159</sup>.

До января 1897 г., находясь в тюрьме при Пречистенском полицейском участке<sup>160</sup>, он занимался самообразованием, изучая французский язык (по евангелию на французском языке) и мар-

<sup>154</sup> Семашко Н. Клочки воспоминаний... С. 8–9.

<sup>155</sup> Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 18. Семашко писал, что гектографированное издание рукописи В. И. Ульянова появилось в Москве в начале 1895 г. Семашко Н. А. Незабываемый образ // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 5 т. Т. 2. М., 1979. С. 274.

<sup>156</sup> Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 18.

<sup>157</sup> Мельгунов С. Указ. соч. С. 76.

<sup>158</sup> Орлов В. И. Указ. соч. С. 292, 293.

<sup>159</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 97 (1899 г.). 3 дел. Д. 122. Л. 6; Н. А. Семашко относил свой первый арест к декабрю 1895 г. Семашко Н. Клочки воспоминаний... С. 10; Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 23; Точная дата ареста Семашко 17 ноября 1896 г. была указана в книге: «Воспитанники Московского университета — соратники В. И. Ленина... М., 1973. С. 164.

<sup>160</sup> Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 23.

ксистскую науку. От хозяев квартиры, в которой жил до ареста, ему удалось получать книги по официально разрешенной программе учебного чтения. Он читал также недавно опубликованную и приобретенную им перед арестом книгу Н. Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»<sup>161</sup>. Семашко вспоминал: «Я впился в чтение «взасос», отрываясь только для еды, в один день прочитал ее от доски до доски, а следующие дни перечитывал еще раз особенно важные места. Я и до сих пор не знаю, что я знаю лучше наизусть: евангелие, которое заставляли нас зубрить слово в слово в гимназии, или книжку Бельтова, которую я с жаром изучал в тюрьме».<sup>162</sup> Затем он «взялся в тюрьме за «Логикку» Гегеля и осилил ее». Ему представилась также возможность не спеша прочесть «Капитал» К. Маркса<sup>163</sup>. В работе «Что такое «друзья народа...» В. И. Ульянов писал, что этот труд Маркса имел гигантский успех потому, что «эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию, как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов...»<sup>164</sup>. Несколько месяцев нахождения в тюрьме позволили Семашко заложить теоретический фундамент не только для своих марксистских взглядов, но и для дальнейшей пропагандистской работы в интеллигентской и пролетарской среде.

После жандармского дознания следствию удалось предъявить ему обвинение лишь в том, что он «был членом Елецкого землячества и автором годовых отчетов о деятельности «Союзного Совета», при этом пользовавшимся, «как пособием, негласною литературою». Ему инкриминировалась также «близость к лицам политически неблагонадежным»<sup>165</sup>. Из допросов следователя он понял, что жандармам были известны члены марксистского кружка, в который он входил<sup>166</sup>, и его «попытки связаться с рабочими мас-

---

<sup>161</sup> Бельтов Н. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и комп. СПб., 1895.

<sup>162</sup> Семашко Н. Клочки воспоминаний... М., 1930. С. 16–17.

<sup>163</sup> Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 26.

<sup>164</sup> Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 139.

<sup>165</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 97 (1899 г.). 3 дел. Д. 122. Л. 6, 20–20 об.

<sup>166</sup> Семашко Н. А. Прожитое и пережитое. М., 1960. С. 25.

сами»<sup>167</sup>. Но, по-видимому, кроме агентурных сведений, юридическими свидетельствами его «противоправительственной» деятельности жандармы не располагали. По этой причине 17 января 1897 г. по решению Особого совещания при министерстве внутренних дел Н. А. Семашко административно выслали на родину в город Елец Орловской губернии на два года под гласный надзор полиции, где 18 февраля 1897 г. он поселился<sup>168</sup>.

Формирование политических и философских взглядов братьев Семашко происходило в начале 1890-х гг., когда в оппозиционном российском обществе начали возрождаться освободительные устремления. В Московском университете это проявлялось в распространении среди студенчества не только либеральных и народнических, но и радикально-революционных идей. Если Владимир всецело отдался служению идеям просвещения крестьянства, то действительному темпераменту личности Николая Семашко отвечала революционная теория марксизма, нацеленная для России на социальное освобождение всего трудового народа. В политическом выборе Николая Семашко сказалось также то, что в семье его матери Марии Валентиновны «любили», даже «боготворили» Г. В. Плеханова<sup>169</sup>.

---

<sup>167</sup> Семашко Н. Клочки воспоминаний ... М., 1930. С. 10.

<sup>168</sup> ГА РФ. Ф. 102. Оп. 97 (1899 г.). 3 дел. Д. 122. Л. 10, 11, 20.

<sup>169</sup> Семашко Н. Из воспоминаний // Пролетарская революция. 1921. № 1. С. 174.

# ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение |

Под редакцией *Модеста Колерова*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

ISBN 978-5-905040-92-4



9 785905 040924 >

**Издатель Модест Колеров**

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Подписано в печать 15.11.2023. Формат 60 × 90 1/16.

Гарнитура Atrnold. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел.: (4852) 200-121. [www.yarcmtyk.ru](http://www.yarcmtyk.ru)